

Пробуждение Юаньцзина сопровождалось горестными рыданиями. Не успел он окончательно прийти в себя, как его прижали к груди — куда более мягкой и пышной, чем у отца. Сознание мгновенно прояснилось.

«Смена караула» произошла, пока я спал.

Теперь его укачивала бабушка из рода Сун, осыпая причитаниями и называя своим бесценным сокровищем.

Юаньцзина вновь опалила волна стыда. За три прожитые жизни он никогда не устаивался подобных нежностей, и теперь от смущения у него едва не поджимались пальцы на ногах. Сам он был сиротой и вырос в приюте, а потому в первом и втором воплощениях особенно дорожил обретенной семьей. Но всё же в те миры он попадал уже подростком, и даже любящая мама Цяо не позволила бы себе сюсюкаться с ним, как с младенцем.

Мальчик предпринял отчаянную попытку вырваться из объятий. Увидев, как раскраснелся сын в тщетных усилиях освободиться, Тао Даюн поспешил забрать его к себе:

— Матушка, поосторожнее! У Цзин-бао рана на голове, да и всё тело в ссадинах. Пойдемте в дом, там и поговорим. Мне нужно вам кое-что поведать.

Заметив подросших Тао Дачжу и госпожу Ван, Даюн не смог скрыть вспыхнувшей в глазах ненависти. Вот они, родители этой девчонки, из-за которой он едва не лишился наследника! По сравнению с тем ребенком, которого его жена носила под сердцем, первенец Юаньцзин был ему особенно дорог. Ребенок не только унаследовал от родителей всё самое лучшее, но и отличался не по годам острым умом — точь-в-точь как отец.

Даже учитель в школе советовал не жалеть сил на его обучение, проча мальчику в будущем звание ученого-сюэя. Мужчина возлагал на старшего сына огромные надежды, и осознание того, что Тао Эръя едва не погубила его, приводило его в бешенство.

Госпожа Сун пока не замечала странностей в поведении сына, но старший брат, Дачжу, почувствовал неладное. Впрочем, не в силах понять причину такого отношения, он просто молча последовал за всеми в дом. Тао Юнлинь и другие мужчины, спускавшиеся с ними с горы, тоже поглядывали на чету Дачжу с явным осуждением.

Увидев возвращение сына, младшая госпожа Сун, стоявшая у порога и поддерживавшая тяжелый живот, разрыдалась в голос. Глядя на жену, Даюн еще сильнее возненавидел племянницу и всю семью брата. Если бы с Цзин-бао что-то случилось, разве выдержала бы А Лань такой удар в её положении?

«Неужели эта дрянная девчонка решила известить всю нашу семью?»

— А Лань, отведи Цзин-бао в комнату и накорми его. Он маковой росинки во рту не держал с самого вчерашнего дня. Пусть поест, умой его и уложи спать.

— Хорошо, — младшая госпожа Сун с облегчением прижала сына к себе. — Иди со мной, Цзин-бао.

— Брат Юнлинь, — обратился Даюн к соседу, — не сочти за труд, позови лекаря Яо, пусть осмотрит мальчика.

— Конечно, Даюн! Сейчас всё сделаю, жди.

— С Цзин-бао ведь всё будет в порядке? — тревожно спросила бабушка. — Рана очень глубокая?

— Матушка, подождите. У меня есть важный разговор к вам, брату и невестке.

Они остались прямо во дворе. Даюн даже не подумал уединиться, чтобы не выносить сор из избы. Напротив, он хотел, чтобы вся деревня знала, до чего подлой и жестокой выросла дочь старшего брата. Если она посмела столкнуться с горы родного брата, то на что еще она способна?

Мужчины, вернувшиеся из леса, знали, о чем пойдет речь, и не спешили расходиться, готовые выступить свидетелями. На месте отца Юаньцзина никто бы не стал терпеть подобное.

— Даюн, что стряслось? Не пугай мать, — встревоженно произнесла госпожа Сун, глядя на почерневшее от гнева лицо младшего сына.

Он обвел взглядом присутствующих, но увидел только Дая и Санья. Эръя нигде не было. Он обратился к родственникам:

— Брат, невестка Ван, а где же Тао Эръя?

— Эръя? — Дачжу обернулся к старшей дочери. — Где твоя сестра?

Дая, испуганная грозным видом дяди, указала на дом:

— Она в комнате, переодевается. Одежда промокла.

— Пусть немедленно убираться оттуда! — взревел Даюн, багровея. — Я хочу спросить её в

глаза: чем ей так не угодил младший брат, что она решила его убить?

У госпожи Сун зашумело в ушах, она едва удержалась на ногах.

— Что ты такое говоришь? Это Эръя... это она виновата?

— Нет, быть того не может! — запричитала невестка Ван, качая головой. — Откуда у ребенка такие черные мысли? Муж, скажи же хоть слово!

— Ха! Хотите сказать, что я возвожу на неё напраслину? Или что Цзин-бао лжет? — Даюн горько усмехнулся. — Пусть выйдет и скажет это мне в лицо. Если не выйдет сама, я вытащу её за шиворот!

Мужчина не собирался отступить. Его всегда знали как человека, горой стоящего за своих близких, и сегодня он был намерен дойти до конца.

Госпожа Сун была в этом точь-в-точь как младший сын. Цзин-бао был её любимым внуком, её главной гордостью. Она ни на мгновение не усомнилась в услышанном. С яростным криком старуха ворвалась в комнату старшего сына и вытащила забившуюся в угол Эръю за ухо.

— Ах ты дрянь! Чего ты прячешься? Совесть замучила? Вчера вся семья места себе не находила, в горы ночью полезли, жизнью рисковали, а ты молчала как рыба! Душонка твоя черная, гнилое сердце! Откуда в моем роду взялась такая змея подколотная?

Бабушка была вне себя от горя и гнева. Она отвешивала внучке пощечины и щипала её, не жалея сил. Эръя только истошно визжала. Дачжу пытался унять мать, а госпожа Ван, обливаясь слезами, бросилась закрывать дочь собой. Воспользовавшись моментом, девочка шмыгнула за спину матери.

Не в силах дотянуться до виновницы, старуха принялась колотить старшего сына:

— Ты тоже хочешь меня в могилу свести? Смотреть не можешь, как племянник в люди выбивается? Хочешь, чтобы он сдох?

— Матушка, как вы можете такое говорить! Как мне после таких слов людям в глаза смотреть?

— А зачем ты мешаешь мне учить эту девку? Разве не она толкнула Цзин-бао с горы? Смотрела, как мы все с ума сходим, и слова не проронила! Ждала, когда он там дух испустит! Ох, за что мне такое наказание... Старик мой, посмотри только на это! Родной сын с дочерью издеваются над матерью...

Старуха опустила прямо на землю, хлопая себя по бедрам и завывая. Дачжу, красный от

стыда, не знал, куда деться. Наконец он не выдержал, выхватил Эрью из-за спины жены и отвесил ей такую затрещину, что та отлетела на землю, выплевывая кровь вместе с выбитым зубом.

— Эръя! Сестрица! — Дая и Санья бросились к ней.

Но во дворе никто не проявил сочувствия. Глядя на то, как девчонка прячет глаза и даже не пытается оправдаться, люди поняли: всё правда. Сердца соседей, как и сердце госпожи Сун, похолодели от ужаса. В те времена сыновья ценились несравненно выше дочерей, а Юаньцзин к тому же был грамотеем — главной надеждой семьи.

Даюн молча наблюдал за происходящим, и в его взгляде читалось лишь одно желание — собственноручно придушить племянницу.

Шум во дворе был слышен и в доме. Младшая госпожа Сун, узнав от сына правду, едва не сорвалась с места, чтобы вцепиться Эрье в волосы. Юаньцину пришлось притвориться, что у него сильно разболелась голова, чтобы удержать мать рядом. Она была на пятом месяце беременности, и в такой кутерьме могла легко пострадать.

«Я помню, что в оригинальной истории она потеряла и себя, и ребенка, и не могу допустить повторения трагедии».

— Мама, не ходи туда. Отец знает, что делать. Верь ему и бабушке.

Юаньцзин не чувствовал ни капли жалости к Эрье. Если бы он не занял это тело, оригинал бы погиб, его мать умерла бы в родах вместе с нерожденным младенцем, а племянница, не испытывая ни малейших угрызений совести, преспокойно бы забрала всё наследство и удачу себе. На её руках была кровь троих человек, и одной её жизни не хватило бы, чтобы искупить этот долг.

Младшая госпожа Сун с трудом взяла себя в руки и села. Глядя на повязку на голове ребенка, она снова едва не лишилась чувств от ярости.

— Раздел имущества! — прошипела она. — Скажи отцу, пусть требует раздела. Мы не можем жить под одной крышей с теми, кто желает нам смерти. Кто знает, что еще взбредет в голову этой девчонке.

Она и раньше недолюбливала госпожу Ван. Та только притворялась тихой и покорной, а на деле была себе на уме. Поступок Эрьи лишь подтвердил опасения: наверняка мать настраивала дочь против них. В начале их замужества Ван родила трех девочек одну за другой, и свекровь на неё и смотреть не хотела. А едва в дом вошла младшая Сун, как тут же подарила семье внука. Разумеется, её положение в доме было выше, и невестка Ван, не смея ненавидеть свекровь, обратила свою злобу на младшую.

Тем временем во дворе Даюн твердо произнес:

— Брат, давай делиться. Даже если ты забьешь её до смерти, я больше не смогу жить с вами под одной крышей. Глядя на вас, я буду видеть только её желание убить моего сына.

— Даюн, ты... Матушка, неужели нельзя иначе? — Дачжу в отчаянии посмотрел на старуху.

Пока мать жива, о каком разделе может идти речь?

Невестка Ван внешне оставалась безучастной, но в душе возликовала. Раздел! Это же прекрасно! Племянник вечно учится, из-за чего всей семье приходится затягивать пояса. Раньше у неё не было сыновей, и она терпела, но теперь, когда у неё подрастал свой мальчик, ей хотелось сохранить каждый медный грош для него.

Даюн помог матери подняться:

— Матушка, я не останусь в одном доме со старшим братом. Мы с Цзин-бао обеспечим вам достойную старость, живите с нами.

— Где это видано, чтобы мать жила с младшим! — перебил Дачжу. — Родителей дохаживает старший сын.

— Кто знает, почему в сердце Эръя зародилась такая чернота, — холодно усмехнулся младший брат. — Может, потому, что вы с женой затаили обиду на матушку за её любовь к Цзин-бао? Если она хотела смерти брату, то и до бабушки ей дела нет. Я не доверю мать вам двоим.

Старший брат замер, словно пораженный громом. Он понимал, что мать была пристрастна, но считал, что на то были причины. Но если эти слова станут известны, какая репутация останется у его семьи в деревне?

— Брат... — пробормотал он, но не нашел слов для оправдания.

Госпожа Сун, чьи надежды на будущее едва не рассыпались в прах, процедила сквозь зубы:

— Решено. Разделяемся! Я остаюсь с младшим. Мне не нужно ваше содержание. Боюсь, что если останусь с вами, то однажды буду отравлена за лишнюю ложку каши.

Она понимала: если не согласится на раздел сейчас, Даюн просто заберет жену и сына и уйдет сам. Она знала характер младшего сына.

Так, на второй день после появления Юаньцзина, дом Тао сотряс официальный раздел

имущества. Как и полагалось по справедливости этого конфликта, бабушка осталась в родовом доме с семьей Даюна, а Дачжу со всеми домочадцами был выселен в старую хижину у подножия горы. Старший брат уходил с тяжелым сердцем, сгорая от стыда.

Пришел лекарь Яо. Юаньцзин прекрасно понимал свое состояние: большая потеря крови требовала времени на восстановление, но рана на голове уже затягивалась, а ссадины были пустяковыми. Старый лекарь с интересом осмотрел кашицу из трав.

— Хорошее средство, — одобрительно кивнул он. — Нужно будет еще пару раз сменить повязку, и всё заживет.

Он выписал несколько рецептов для восполнения крови и укрепления духа. Юаньцзин решил, что это отличный шанс легализовать свои знания.

— Я читал кое-какие книги о травах, — невинно пояснил он. — Когда очнулся в лесу, голова раскалывалась. Я нашел эти растения, размял их и приложил к ране. Стало гораздо легче.

— Ха-ха! Даюн, твой сын и впрямь не по годам умен. Если бы не учеба, из него вышел бы отличный лекарь. Не волнуйся, твой Юаньцзин под счастливой звездой родился, беды обойдут его стороной.

Впервые за эти дни Даюн искренне улыбнулся. Похвала наследнику была для него лучшим лекарством.

— Вашими молитвами, господин лекарь. Мал он еще, просто повезло угадать.

Как и полагалось, мужчина скромничал, хотя в душе жаждал услышать еще больше восторгов.

Для скорейшего выздоровления бабушка в тот же день зарезала несущку. Бульон предназначался раненому внуку и беременной невестке. Если бы не их настойчивость, старуха не притронулась бы ни к кусочку.

В ту ночь Юаньцзин спал крепко и спокойно. На следующее утро он чувствовал себя гораздо лучше — возможно, сказалось действие «духовного источника», а может, его душа быстрее восстанавливала тело. Он не спешил вставать, размышляя об Эрье. Её ненависть к нему в оригинальной истории всегда казалась лишённой смысла. Без его успехов в учебе она навсегда осталась бы деревенской простушкой.

В первый раз она вышла замуж, когда Юаньцзин уже стал юным ученым-сюцаем. Девушка сама выбрала себе мужа — туншэна из соседней деревни. Красивый лицом, он жил с матерью и сестрами. Госпожа Сун была против этого брака, видя нищету той семьи, но Эрья вцепилась в этого человека мертвой хваткой.

Юаньцзин тогда был слишком молод, чтобы вмешиваться, и семья уступила. Но жизнь Эръя не стала сказкой. Её муж так и не смог сдать экзамены, в то время как Юаньцзин уже отправился в столицу. Когда он стал чиновником, младшая сестра Санья удачно вышла замуж за одного из его соратников.

Тао Эръя, узнав об этом, исходила желчью. В своей семье она была вьючной лошадкой под пятой свекрови, а её муж потерял всякое желание учиться дальше. Она посылала письма домой, требуя развода, чтобы найти себе партию получше. Она не понимала, почему Санья — госпожа, а она — крестьянка. Даже муж старшей сестры Дая разбогател под присмотром брата.

Но кто бы позволил ей развод в те времена? У неё уже росла дочь. В порыве ярости она толкнула свекровь, та упала без чувств, а девчонка обокрала дом и сбежала в столицу. Только чудо спасло старуху от смерти, но Эръя получила позорный развод.

Юаньцзин, приняв сестру в столице, пришел в ужас от её поступка. Но она не могла угомониться, требуя, чтобы он нашел ей мужа не хуже, чем у Саньи. В итоге она сама стала наложницей повесы и умерла в интригах заднего двора. Мальчик так и не понял, за что она ненавидела его настолько, что, получив шанс на перерождение, первым делом решила его убить.

В её новой жизни она уже успела отомстить и мужу из прошлой жизни, и его матери. «Жизнь как вечная борьба с ветряными мельницами».

На этот раз Юаньцзин решил пресечь все её пути к возвышению в самом зародыше. «Мне даже любопытно, как события пойдут дальше...»

Поднявшись, он услышал, что Эръя снова получила от родителей суровую трепку. Теперь она не могла даже встать с постели. Юаньцзин довольно улыбнулся и посмотрел в окно. Погода сегодня и впрямь была чудесной.

— Внучек мой, лежи, отдыхай! Лекарь велел покой соблюдать, — всполошилась бабушка, заглядывая в комнату. — Сейчас я тебе завтрак принесу.

<http://bllate.org/book/15835/1501425>